

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

А.И. ЧЕРНЫХ

РЕАЛЬНОСТЬ «ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ»

Современное общество определяют с помощью различных предикатов — глобализирующееся, информационное, общество медиа, или медиатизированное общество, причем в силу «удельного веса» информационных процессов два последние определения становятся все более распространенными. Термин «медиатизация» впервые применил английский исследователь Джон Б. Томпсон [24, р. 46] для обозначения роли институционально организованных образований — медиа, транслирующих не просто информацию, но образцы культуры, формирующие современное общество на протяжении последних веков. Осуществляет эту функцию специализированная профессиональная группа — журналисты, которые ныне выступают не только трансляторами сообщений, но и создателями общезначимых смыслов, деятельность которых нередко рассматривается (и, прежде всего, самими журналистами) как «четвертая власть», сопоставимая с первой, то есть властью государства. И хотя это определение отнюдь не ново — оно существует более двухсот лет, выяснение специфических для современного общества механизмов, позволяющих журналистам осуществлять реальные властные функции, представляет собой значимую исследовательскую проблему.

Важным становится вопрос о взаимосвязи медиа и политики. Обыденным сознанием эта взаимосвязь воспринимается как данность, однако она порождает теоретическую проблему, особенно на фоне широких дискуссий о кризисе современной демократии. В основе классического понимания демократии лежит представление о

Черных Алла Ивановна — доктор социологических наук, профессор кафедры политического консалтинга и избирательных технологий Государственного университета - Высшая школа экономики. Адрес: 125319 Москва, Кочновский пр. 3, комн. 625. Телефон: (495) 608-41-26. Электронная почта: chernykhalla@gmail.com

«хорошо информированном индивиде», то есть принимающем решения (осуществляющем выбор) со знанием дела. Так возникает первый проблемный слой, который можно обозначить как формирование информационных основ демократии. Второй слой — изменение характера и расширение состава «носителей» (акторов) власти в современных сложных обществах, связанный с «ослаблением» социального государства (по сравнению с его предшественниками) и «переливом» части элементов власти к новым игрокам на поле политики, в частности журналистам. Однако власть всегда сохраняет свою *differentia specifica*, и выявление этих базовых, хотя и диффундированных ныне, черт власти формирует еще один, третий — и весьма важный — исследовательский срез проблемы.

В статье предпринята попытка проанализировать реальное воздействие современных масс-медиа на общество и политический процесс; представляется целесообразным начать с истории складывания европейского типа демократии, теснейшим образом связанного с развитием средств передачи информации, прежде всего печатной.

«Избирательное средство» демократии и медиа

Понятие «демократия» значительно старше, чем «медиа»: если первое существует более двух с половиной тысяч лет и связано с именами классиков античной мысли — Платоном и Аристотелем, для которых оно являлось одной из нисходящих, по сравнению с аристократией, форм правления как «власти народа», то слово медиа (мн. число от лат. *medium* — посредник) появляется в английском языке с XVI в., а с XVIII в. приобретает современный смысл, обозначая исторически первое средство массовой коммуникации — газеты.

Именно развитие прессы как арены свободных дискуссий и обсуждений дало толчок становлению демократии, для которой принципиальна роль общественного мнения — *vox populi*. Процесс складывания современного общественного мнения, «последней инстанции» демократической власти, занял довольно большой отрезок времени и оказался неразрывно связан с исторически первым ограничением традиционного всевластья правящих — появлением «четвертой власти», прессы.

Понятие этой новой формы власти возникает в Британии в XVIII в. и фиксирует значение для общества первого массового медийного средства — газет¹, создатели и издатели которых стремились

¹ Газеты стали результатом технологического прорыва — изобретения в 1448 г. ремесленником из немецкого города Майнца Иоганном Гутенбергом печатного станка и распространения его с 1500 г. по Европе для целей книгопечатания. Первые газеты стали выходить с 1502 г., сначала нерегулярно, хотя и массовыми для того времени тиражами. Влияние книгопечатания, то есть новой технологии, на ход человеческой истории и изменения, произошедшие в сознании человека в связи с этим, глубоко проанализированы М. Маклюэном [11; англ. изд. 1964 г.].

не только информировать читателей, но и защитить их интересы и свободы как граждан от чрезмерной и репрессивной роли государства. Признанием приобретенного прессой значительного влияния не только на общество, но и на власть, которое стало сопоставимо с деятельностью трех других сословий, и стало метафорическое обозначение ее роли как «четвертой власти» (авторство приписывают то писателю Генри Филдингу, то политическому мыслителю Эдмунду Берку).

Современные дискуссии о роли, прежде всего политической, mass media испытывают концептуальные влияния идей *гражданского общества*, возникших в XVII – XIX веках в Англии и США. Согласно модели Ю. Хабермаса, это общество базируется на новом, возникающем именно в этот период европейской истории, образовании — *публичной сфере* [16]. Публичная сфера — совокупность автономных образований общественности как основы существования гражданского общества, противостоящего жесткой централизованной власти. Это особое пространство «между» расширяющейся в условиях экономического роста частной сферой и государством. Результатом возникновения этой сферы, создающей публичную арену обсуждений и свободной дискуссии, является формирование в рамках «мыслящей части общества» нового социального феномена — *общественного мнения*, которое стремится контролировать деятельность «самовластных» правительств.

Возникновение общественного мнения большинство исследователей относят именно к XVIII в., а одним из первых мыслителей, признавших за ним решающую роль в истории прогресса человеческого разума, был представитель французского Просвещения Ж.А. Кондорсе. Появление общественного мнения он связывает с изобретением книгопечатания, позволившего людям обмениваться мыслями в отсутствие собеседника. Общественное мнение «сильное числом тех, кто его разделяет, энергичное, ибо мотивы, его определяющие, действуют одновременно на все умы, даже на чрезвычайно большом удалении», «от которого трудно что-либо скрыть и которого невозможно избежать», не зависит от всякой человеческой власти [10, с. 130]. Слова, написанные более двухсот лет назад, оказываются и сегодня более чем актуальными, ибо, по мнению современного французского социолога Патрика Шампаня, «делание» общественного мнения превратилось в «новую политическую игру» [15] (и добавим — с огромными ставками!).

Именно в рамках публичной сферы «мыслящее меньшинство» (общественность, если искать русский эквивалент) коллективно, равноправно, на основе рациональной аргументации выясняет желательные пути развития социума, воздействуя на правительственную политику через прессу, которая берет на себя роль выразителя и защитника мнения общественности перед лицом власти. Эти функции пресса

осуществляет в ходе выполнения двуединой задачи: обеспечивая публичное пространство для общественных дебатов и представляя интересы частных граждан в форме доводимого до власти общественного мнения. В результате возникает основа для формирования рационально складывающегося консенсуса между обществом и государством, что кардинально меняет подвластное последнему социальное пространство. Так, в соответствии с моделью Ю. Хабермаса, с XVII в. в Европе идет процесс формирования гражданского общества, которое становится одним из трех «китов» *классического либерализма* наряду со свободной конкуренцией и свободой индивида.

Социально-философское обоснование либерализм обретает в идеях английских мыслителей: поэта Джона Мильтона, философов Джона Локка, Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля, для которых особое значение имела проблема свободы слова и печати. Формулирование самой идеи *свободы печати* как производной от естественных прав личности принадлежит создателю теории разделения властей Дж. Локку (1632-1704). Поскольку человек от рождения наделен естественными правами в вопросах веры, он, согласно Локку, не может отказаться от них и в политической сфере. Человек свободен осуществлять свои естественные, а потому и неотчуждаемые права, одно из которых — свобода слова (печати), даже *вопреки* государству. Более того, свобода печати оказывает положительное влияние на саму государственную власть: противодействуя парламентской лжи и всевластию правительства, она способствует добродетельному правлению. По мнению Локка, именно в процессе завоевания прессой свободы выражения мнений постепенно формируется общество, в котором господствует закон (право).

Позже аргументацию в защиту идеи свободы печати расширил основатель утилитаризма Иеремия Бентам (1748-1832). Для него наилучшими являются те законы и то правительство, которые обеспечивают максимум счастливой жизни как можно большему числу граждан. Одно из важнейших «инструментов» достижения такого состояния — свободная печать, противодействующая деспотическому правлению: содействуя принятию и применению законов в интересах большинства, она контролирует деятельность бюрократии и предают гласности факты общественной жизни. Для Дж.С. Милля (1806–1873) печать — союзник истины, выявляющейся в ходе столкновения мнений, то есть их свободного обмена, поэтому цензура, представляющая собой отрицание их *потенциальной* истинности, недопустима. Общество должно дать людям право свободно выражать и реализовывать собственные мнения: «Если бы все человечество, кроме одного человека, придерживалось одного мнения, и только один человек придерживался противоположного мнения, у человечества было бы не больше оснований заставлять этого единственного человека молчать,

чем у этого человека, будь у него власть, были бы основания заставить замолчать все человечество» [12, с. 176-177].

Таким образом, свободное выражение мнений через прессу является принципиальным условием формирования просвещенного общественного мнения, инструментом контроля и противодействия возможным злоупотреблениям и нарушениям со стороны правительственных органов. Различаясь в аргументации, идеи представителей ранней либеральной мысли были сходны в главном — свободная и независимая пресса — это гарант от проявлений деспотизма государственной власти.

Битва за свободу печати (и это не преувеличение) в стране первой демократии заняла несколько веков. В английском Билле о правах 1689 г. печать вообще не упоминалась. На 30-70 гг. XVIII в. приходится пик борьбы за право прессы — газет и журналов — информировать публику о деятельности правительства, в частности о парламентских дебатах. Битву за «открытие» парламента для прессы в 30-е гг. XVIII в., то есть фактически за отмену закона, запрещавшего выдавать секреты деятельности парламента, начинает лондонский издатель журнала «Jentelmen's magazine» Эдуард Кейв, который за свои публикации несколько раз попадал в тюрьму. Когда отношения с властями обострились до предела, Кейв придумал страну Лилипутию, наделив членов парламента вымышленными именами, но при этом каждый был узнаваем, и стал публиковать репортажи под заголовком «Прения в стране Лилипутии», что позволяло обходить существующий закон. В 1760-е гг. эстафету подхватил Джон Вилкс — издатель газеты «North Britain», сумевший привлечь к этой борьбе лондонскую бедноту. В итоге после 1771 г. английский парламента был вынужден признать право прессы сообщать о прениях, происходящих в обеих палатах. Это первая победа прессы, позволившая ей почувствовать свою силу и в определенном смысле стать «над» властью государства.

Именно эту новую ситуацию и «схватывает» метафора «*четвертой власти*» как фигурального обозначения существующей и набирающей мощь прессы — газет, журналов и других массовых печатных изданий. (Иногда употребляется выражение «четвертое сословие» (fourth estate), «натурализующее» роль прессы, выступающей наряду с ленд-лордами, крестьянами и ремесленниками как социальная сила.) По аналогии в России в XIX в. прессу назовут «шестой державой», ставя ее в один ряд с великими странами того времени — Англией, Францией, Австро-Венгрией и Соединенными Штатами Америки. (Первые школы российской журналистики, возникшие в начале XX в., как раз и пропагандировали эту концепцию [3].)

В американском Билле о правах (Bill of Rights — первые десять поправок к Конституции США, внесенные в 1789 г. и ратифицированные 15 декабря 1791 г.) права прессы по отношению к власти уже

четко фиксированы. Знаменитая Первая поправка (First Amendment) гласит: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб». Билль, предусматривая свободу слова, печати, собраний, вероисповедания наряду с неприкосновенностью личности, личного имущества и личных бумаг, до сих пор считается гарантом свободы информационной деятельности в демократическом обществе, представляющем собой по широко цитируемому выражению Авраама Линкольна «власть народа для народа, осуществляемую народом».

Итак, с момента возникновения в середине XVIII в. газет как первых массовых средств информации журналистика, выполнявшая значимые социальные функции, вступила в напряженные отношения с властью, в основе которых лежала борьба за свободу слова, то есть право знать и говорить. Поэтому можно сказать, что идея «четвертой власти» рождена из представлений о функции прессы, свойственных либертарианскому периоду ее существования, и служит хотя и метафорическим, но точным обозначением влияния печати в раннем демократическом обществе. Процесс «великой трансформации» К. Полаanyi и формирование нового типа общественного мнения, складывающегося на протяжении XIX в. на основе включения в политический процесс широких масс населения, обретающих политические права, прежде всего избирательные, вносит весьма существенные коррективы в базовое для журналистов представление об их роли как рупора общественного мнения.

Мнение общества, которое отражают и выражают газеты и журналы в XVIII в., — это мнение образованного, «просвещенного меньшинства» (именно к этой части населения, если брать Российскую империю, относится синонимичное русскоязычное понятие «общественность», возникшее во второй половине XIX в. и не имеющее аналогов в романо-германских языках). Процесс же формирования современного — в смысле его распространенности — общественного мнения теснейшим образом связан с другой основной характеристикой демократий — массовыми выборами, реальное и процессуальное оформление которых начинается в XIX в. и для большинства европейских демократий завершается уже в XX в.

Целью воздействия медиа является *массовое сознание* — как формируемое через информационную политику, с одной стороны, а с другой — уже обладающее набором некоторых качеств. В рамках социальной психологии масса и рассматривается как коллективное сопереживание, в политике — как суммарный идеализированный оппонент власти (абсолютная *однородность* массы с точки зрения управления была бы идеалом). Если говорить об аудитории СМИ, то это

пространственно распыленное сообщество индивидов с совпадающими характеристиками сознания — гомогенными ценностными установками и типом мышления, сформированное массовыми стереотипами.

В понимание особенностей психологии массового воздействия неопределимый вклад внес французский психолог Г. Тард. Таковы, в частности, а) его идеи о том, что однотипное потребление знаний (информации) уже само по себе создает социальную и психологическую связь, независимо от классовых интересов и происхождения (так формируется публика), а также б) анализ особого типа вовлеченности в политический процесс — читателя одной газеты, демонстрирующего «заданную» ею направленность сознания. Космополитизм XVIII в. обусловлен культурно-психологическим «перевесом» книги, предназначенной для выражения идей, сохраняющих свою значимость надолго, над газетой. XIX век — век газет, ориентированных на сиюминутные текущие события, важные именно для граждан данной страны. Газета усиливает коммуникативную связь между людьми, формируя чувство национальной общности и единства судьбы. Это создает предпосылки для развития особого типа мировоззрения, наиболее отчетливо проявляющегося в идее национального государства и национальных движениях, что позволяет охарактеризовать XIX в. как националистический.

Уже в деятельности газет четко проявляется основной ресурс медиа — их способность к *мобилизации* масс как основы демократической политики, нарастающая в условиях электронной передачи информации и усиливающаяся за счет расширения функций СМИ, не только транслирующих информацию, но и создающих ее. Для большинства в условиях глобализации реальным является создаваемый СМИ информационный аналог действительности, определяющий их мнения и поведение, особенно в сфере политических действий.

Политика и масс-медиа, тесно связанные с момента возникновения первых печатных изданий², оказываются ныне едва ли не единым целым, свидетельством чему стало появление нового понятия — *теледемократии*. В современном информационном потоке более 70% объема занимают визуальные образы, которые удерживаются в памяти значительно дольше, чем вербальные (письменные) сообщения. По мнению американца Дж. Мейровича, «телевизионные репортажи навсегда изменили политику, сократив дистанцию между политиком и избирателем». Показ (и наблюдение зрителями) человеческих (вплоть

² По мнению американского социолога А. Гоулднера, именно воздействие коммуникационных технологий привело к ключевым изменениям в политической истории современности: появление «идеологии» как особой формы рационального дискурса связано с развитием печати [17].

до физиологических — почесывание, сморкание) проявлений и качеств политика приводит к снижению правящих до уровня обыденности. Этот процесс он обозначил как «парадокс исчезающей истины» [19, р. 253, 271].

Эмпирическое изучение *политических* аспектов деятельности СМИ относится к началу 1960-х гг. и связано с именами американских ученых М. Маккомса (M. MacCombs) и Д. Шоу (D. Shaw), в ходе исследований когнитивных эффектов воздействия прессы выдвинувших гипотезу о ведущей роли медиа, прежде всего газет, в формировании общественно-политической повестки дня.

Теория установления, или формирования, повестки дня (Agenda-Setting Theory) описывает воздействие масс-медиа, заставляющее индивидов считать некоторые явления и события более важными, чем другие. Согласно этой теории, «те, кто контролирует информационные СМИ, решают, что должно сообщаться публике. Это становится повесткой дня СМИ на определенный момент времени. Установление повестки дня предполагает связь между решениями, касающимися освещения проблемы в СМИ, и представлениями о ее важности и значимости в умах индивидов, составляющих аудиторию СМИ. [Эта теория] не предполагает, что масс-медиа диктуют людям, *что* они должны думать о проблеме и какие принимать решения. Однако она предполагает, что масс-медиа диктует людям, *о чем* они должны думать и какие проблемы настолько важны, что требуют решения» [20, р. 400-401].

В ходе трех репрезентативных исследований (1968, 1972 и 1986 гг.), результаты которых проанализированы в двух книгах американских авторов [22, 25], было показано чрезвычайно высокое совпадение мнений избирателей о важности социальных проблем с тем, как они подавались в СМИ.

Формируя политическую повестку дня, СМИ тем самым выполняют функцию *социального конструирования реальности* для политически активного населения страны. Фактически масс-медиа здесь выступают в роли создателя общей культуры, распространителя единых ценностей, универсальных образцов, сплачивающих население и создающих единство общества. «Функции масс-медиа по установлению повестки дня совершенно очевидно совпадают с когнитивным аспектом массовых коммуникаций. Может быть, в большей степени, чем любой другой аспект нашей среды, политическая сфера со всеми ее явлениями и личностями, относительно которых формируются наши мнения, представляет собой реальность *second hand*. С политикой — особенно на общенациональном уровне — мы практически не имеем непосредственного контакта. Наше знание приходит из СМИ. Как правило, мы осведомлены только о тех аспектах общенациональной политики, которые считаются достаточно интересными, чтобы

быть транслированными через масс-медиа» [22, р. 7]. Это значит, что реальность наша в определенном смысле такова, какой ее изображают масс-медиа, влияние которых неиндивидуально и осуществляется *диффузно*, как соиздание общей культуры, общей политической и интеллектуальной среды.

Если концепция Шоу и Маккомса верна (а ее обоснованность достаточно убедительно показана), то масс-медиа — не просто медиа, то есть посредники, а мощный *партнер* в политической деятельности, причем партнер обеих решающих партий в политической игре — и тех, кто принимает решения, и тех, кто выбирает принимающих решения. Масс-медиа занимают «решающую позицию посередине» и путем формулирования повестки дня оказывают влияние на обе стороны. Фактически именно концепция формирования повестки дня привела (во всяком случае, это касается американского контекста) к новому осознанию роли масс-медиа в политике и общественной жизни в целом.

Определенное развитие идеи повестки дня получены в многолетних исследованиях Элизабет Ноэль-Нойман, бывшей в 1980-е гг. руководителем знаменитого Института демоскопии³ в Алленсбахе (ФРГ). Ее интересы — в выявлении взаимосвязей массовых коммуникаций, межличностной коммуникации и проблемы соотношения индивидом своего мнения с мнением других, то есть вопросов, которые не получили должного освещения у Шоу и Маккомса. В ее работах, самая известная из которых — монография под характерным названием «Спираль молчания — наша социальная кожа» [21], опирающихся на разработки социальных психологов, в частности К. Ховланда, и социологов П. Лазарсфельда и Р. Мертсона, доказывалась зависимость индивидуальных мнений и установок от оценки человеком мнений других (лидирующих в обществе, рупором которых выступают масс-медиа).

По словам Э. Ноэль-Нойман, «[масс-медиа] переносят то, что люди наблюдают в одном контексте, в другой, и побуждают их либо обнародовать свои взгляды, либо воздержаться от этого и затаиться до тех пор, пока в результате движения по спирали одна точка зрения не станет главенствующей на общественной сцене, а другая не исчезнет из общественного сознания, потому что замолчат ее приверженцы. Этот процесс можно назвать *спиралью молчания*» [21, р. 5]. Медиа, как правило, представляют одну или в лучшем случае две стороны проблемы, исключая другие, отчего люди еще больше «затаиваются», не давая медиа обнаружить и зафиксировать противоположные точки зрения.

Реальная власть СМИ, по мнению Ноэль-Нойман, состоит в том, что они *могут сделать большинство меньшинством*, и тогда оно замолкает, усиливая, тем самым, доминирование СМИ и нарастание

³ В Германии демоскопией называют опросы общественного мнения.

«спирали молчания». Эта возможность масс-медиа реально манипулировать общественным мнением кроется в простом факте: если какое-либо мнение не представлено в информационном пространстве, то оно как бы и не существует, то есть его просто-напросто нет (а его носители молчат). Здесь на первый план выступает функция социального контроля, поощряющего мнение большинства, в чем, с точки зрения немецкой исследовательницы, содержится очевидная опасность для демократии.

Сюда же относится явление присоединения к победителю в ходе голосования, отмеченное многими исследователями. Как пишет Нозель-Нойман: «Дважды мне приходилось наблюдать “сдвиг последней минуты”, давление общественного мнения, что приносило кандидату дополнительные 3-4% голосов. П. Лазарсфельд, наблюдая то же явление еще в 1940 г. во время президентских выборов в США, назвал его “эффектом оркестрового вагона”, за которым следуют другие. Согласно же общепринятому объяснению, каждому как бы хочется быть с победителем, тоже считаться победителем» [13, с. 35]. В основе этого лежит тот же страх остаться в одиночестве.

Установление повестки дня оказывается весьма значимым, если не решающим, не только для освещения политики, но и в более широком контексте. За последние два десятилетия в социологии массовой коммуникации это понятие стало рассматриваться как основа процесса, при котором масс-медиа, выстраивая сообщения по степени их предполагаемой значимости, формируют тем самым повестку дня для общества в целом. Особенно зримо это проявляется в фиксации социальных проблем. Исследования «эффекта третьего лица» (third-person-effect studies) показывают, что в оценках серьезности тех или иных социальных проблем люди полагаются скорее на их освещение СМИ, чем на собственный опыт.

Именно деятельность медиа, обладающих значительными возможностями отбора (через «повестку дня») и мобилизационным потенциалом, оказывается одним из наиболее важных, если не самым важным, условием, дающим «жизнь» социальным проблемам.

Эволюция политической власти — от принуждения к убеждению

За два с лишним века не только резко изменились СМИ, но и власть претерпела значительную метаморфозу, не в последнюю очередь под воздействием медиа. По мнению исследователей, уже с конца XIX в. происходит изменение функций государства за счет возрастания их экономической составляющей. Возникает новый тип корпоративных отношений, при котором организованные, прежде всего экономические, интересы реализуются непосредственно во взаимодействии их носителей (крупных корпораций) и государства, становящегося игроком на этом поле. В результате стало складываться современное

социальное государство, обеспечивающее лояльность масс с помощью политики распределения, а место главенствовавших ранее классовых антагонизмов заняла «технократическая идеология», подпитываемая быстрым ростом науки и техники. Какие метаморфозы претерпевает в ходе этих изменений само понятие власти?

В интерпретации власти существуют два основных подхода: негативный и позитивный. Согласно первому, характеризующему власть в традиционных обществах, она олицетворяет собой принуждение, угнетение, насилие, то есть несправедливое государство. В рамках позитивного подхода власть понимается как законное руководство, авторитет, признанное лидерство и влияние, то есть ассоциируется с гармонией интересов и групповой солидарностью. Если негативный подход характеризует скорее отношение к власти, свойственное XIX столетию, то позитивный подход — отношение к власти в социальном государстве. Соответственно можно разделить и концепции власти.

К первому типу относится концепция Макса Вебера, предложившего считающееся классическим определение власти, которая представляет собой «любую возможность осуществления собственной воли внутри определенного социального отношения, в том числе и вопреки сопротивлению» [26, § 16]. И хотя сам Вебер считал понятие власти «социологически аморфным», поскольку власть существует везде и всегда, где сходятся минимум двое, а государственную власть обозначал термином «господство», предполагающим «возможность найти повиновение приказу», именно власть составляет стержень политики, понимаемой как процесс принятия и осуществления решений, обязательных для групп, имеющих разные интересы. Для любой власти, по Веберу, решающим оказывается наличие двух основных характеристик — *легальности* и *легитимности*. Если легальность (от лат. *legalis* — законный) связывает осуществление власти с ее формальной законностью, то легитимность (от лат. *legitimus* — признанный законным) означает признание гражданами законности власти, что в современный период принимает форму *доверия* власти, представляя собой социально-политические основы государственной власти. Таким образом, уже в трактовке Вебера, фиксирующей принудительный характер власти, находит отражение коммуникативный аспект, вне которого невозможно не только ее осуществление (речь все время идет о демократическом типе правления), но даже само существование (власть, утратившая коммуникацию с народом и лишившаяся его поддержки, вынуждена уйти).

В интерпретации известного политолога Роберта Даля веберовское «интуитивное представление о власти» выглядит так: А обладает властью над Б в той мере, в какой он может заставить Б делать то, что предоставленный самому себе Б делать не стал бы (так называемая «литерная» формулировка).

Ко второму типу можно отнести трактовку, принадлежащую Т. Парсонсу, для которого власть — это способность мобилизовать ресурсы «для достижения целей, признанных всем обществом». Поэтому власть — не атрибут акторов или отношений, а свойство, или ресурс, систем, которые «производят» ее (аналогично богатству). По Парсонсу, власть не представляет ценности сама по себе, но выполняет весьма важную функцию — через согласие членов общества легитимизировать лидерские позиции она дает мандат на принятие решений и формирование политики от имени общества тем, кто обладает соответствующим статусом. Парсонс, пожалуй, первым выделил «символический» характер власти в обществе, четко определив ее коммуникативную роль (эти идеи впоследствии были подхвачены и развиты Ю. Хабермасом и Н. Луманом). Известный политолог Р. Нейштадт, развивая идеи демократической власти, идет еще дальше и утверждает, что президентская власть в современных демократиях — это преимущественно власть убеждения. А поскольку убеждение есть обоюдный процесс сближения позиций, власть убеждения состоит в достижении согласия. По мнению психолога Т. Болла [1], власть убеждения — уникальная сторона более широкой сферы, которую *homo sapiens* разделяет с другими живыми существами, — способности общения посредством речи, символов и знаков. Именно в ходе общения (коммуникации) создаются и поддерживаются человеческие сообщества. Одним из самых популярных примеров, иллюстрирующих такое понимание власти, выступают отношения водителя и регулировщика. Регулировщик с помощью свистка и жеста заставляет шофера остановиться, повернуть направо или налево, то есть применяет свою власть, пользуясь общим языком, на котором можно «скомандовать», «приказать». Иногда говорят, что регулировщик мог бы, игнорируя общение, просто застрелить водителя или заставить его подчиниться при помощи дубинки. Но в этом случае власть (во всяком случае, в ее коммуникативном понимании) исчезает, ее подменяет акт насилия. Отсюда не будет сильным преувеличением формула, фиксирующая новую власть социального государства — *от легитимного господства к легитимному порядку*. Согласно Веберу, государство представляет собой организацию, обладающую правом на легитимное насилие, однако поддерживается оно легитимностью порядка, который может быть гарантирован «только внутренне, а именно: 1) чисто аффективно: эмоциональной преданностью; 2) ценностно-рационально: верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей (нравственных, эстетических или каких-либо иных); 3) религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка» [4, с. 639-640].

Если взять современные концепции власти, то, несмотря на все различия между ними, основным оказывается именно *коммуникативный аспект* ее реализации. Вот почему ныне СМИ выдвигаются на

первый план в отношениях «власть – общество»: благодаря их сообщениям людям становятся доступными как действия власти, так и основные черты современной политики. Можно выделить, по крайней мере, две основные черты, фиксирующие особую роль медиа в политическом процессе: во-первых, превращение их в существенный элемент демократической политики благодаря предоставлению информационного пространства как арены публичного обсуждения и распространения информации и мнений, а также канала трансляции дебатов, в ходе которых официальные претенденты на выборные политические должности приобретают широкую известность (эта особенность существовала всегда, ныне произошел экспоненциальный ее рост, обозначаемый понятием «вездесущности» СМИ); во-вторых, — и это сравнительно новая черта — медиа становятся прямым средством *реализации власти* в силу относительной закрытости доступа к публичным аренам, требующим определенных привилегий, которыми обладают видные политики и государственные структуры. Масс-медиа ныне выступают в качестве основного механизма общения народа и власти, позволяющего последней мобилизовывать массы. Эта «сопряженность» с властью в общественном сознании и подпитывает сейчас концепцию (или, как считают некоторые, миф) о медиа как «четвертой власти».

Если попытаться проанализировать отечественные реалии, то в нашей стране, совсем недавно (по меркам истории) освободившейся от государственной монополии на средства массовой информации и пропаганды (СМИП), современные российские журналисты нередко склонны считать себя «совестью нации». Правда, стоит отметить, что это не только подчеркивание собственной значимости, демонстрация стремления казаться бóльшим и лучшим, чем ты есть на самом деле, но и отражение отмеченной исследователями четкой закономерности: чем менее развиты институты гражданского общества, то есть его самосознание, тем в большей степени общество склонно перекладывать ответственность за контроль над властью на СМИ.

Известный аналитик СМИ И. Засурский полагает, что концепция «четвертой власти» в России умерла еще до того, как реальные экономические трудности, связанные с резким переходом СМИ в собственность финансово-промышленных групп, сделали ее экономически несостоятельной, и не в результате политического давления, о недопустимости которого отечественные медиа кричат и поныне. Она оказалась мертворожденной: ее убил страх собственников СМИ перед возможным пересмотром полуправильной приватизации новым правительством. Этот страх оказался сильнее боязни потерять высокий самостоятельный статус и свободу выбора политической позиции. СМИ как «четвертая власть», справедливо отмечает Засурский, абберрация, так как задача СМИ — выражать и отражать общественное мнение, а

не быть властью. СМИ — не власть, но без них власть не может работать [6]. Наилучшим подтверждением тому является формируемая медиа повестка дня.

Кроме фиксируемых наукой рациональных характеристик, власть обладает набором черт, совокупность которых, собственно, и означает возможность реализации ее на практике, поскольку позволяет канализировать в желательном направлении энергию масс. Обратимся к чертам, или «элементам власти», предложенным Элиасом Канетти в работе «Масса и власть», совокупность которых, по нашему мнению, представляет самое глубокое понимание⁴ феномена власти, формируя его целостный образ, «идеальный тип» (в веберовском смысле), или *архетип* власти (по Л.Г. Ионину) [8]. На основе выделенных Э. Канетти черт власти, «рассыпанных» по страницам его книги, можно сконструировать типологию, состоящую из шести элементов: это *насилие*, *тайна*, *скорость*, возможность *задавать вопросы и получать ответы*, *право судить и осуждать*, *право прощения и помилования* [9, с. 308, 314, 320, 322.].

Внимательно рассмотрев приведенные характеристики, можно оценить некоторые из них, в частности насилие, тайну, право прощения и помилования как традиционные, всегда связывавшиеся с властью и даже составлявшие ее ядро и суть; особенно в этом смысле характерно *насилие*, на протяжении всей истории бывшее синонимом власти государства в качестве «легитимного насилия» (М. Вебер). В современных обществах власть все более *отдаляется* от прямого (физического) насилия над гражданами, конечно же, не отказываясь от применения силы вообще, но используя ее преимущественно как выражение и подтверждение мощи государства. Ныне власть рассматривается скорее в качестве орудия достижения компромисса и контроля над соблюдением договоренностей, теряя тем самым основное свойство — право отдавать *приказы* и рассчитывать на их выполнение.

Примерно ту же эволюцию претерпевает и такой атрибут власти, как *тайна*, составляющая, по Канетти, «сокровеннейшее ядро» непосредственной и полной власти: «уважение к диктаторам в значительной степени вызвано тем, что в них видят способность концентрации власти» [9, с. 320].

Одним из первых к понятию тайны обратился француз Мальзерб в «Замечаниях» (1775), написанных от имени Счетной палаты — независимого суда, первым председателем которого он был. Мальзерб разоблачал тайное управление государством, подавление всякого

⁴ Роль понимания в изучении человека и общества подчеркнул В. Дильтей, сформулировав тезис: «Материальный мир мы объясняем, а духовную жизнь понимаем», из которого, собственно, и вырастают впоследствии герменевтика и феноменология.

публичного протеста как характерные черты деспотии. Анализируя формирование судебной системы, развивающейся от эпохи «словесных договоров» к письменной фиксации закона, что означает наделение граждан «постоянными правами», он показывает появление сразу двух тайн: тайны управления, которое отделяется от правосудия, и тайны судебных процедур, поскольку приговор отныне выносится на основании письменных документов. Однако это отнюдь не укрепило общественной свободы, но наоборот, посеяло в государстве семена деспотической порчи.

Свою лепту в разоблачение «тайн власти» всегда вносила журналистика. Однако лишение власти «тайны» в некоем сакральном смысле, которое характерно для демократии как четко законодательно фиксированного и ясного процесса осуществления процедур, приводит к возникновению «греха» демократии, в которой, как пишет Канетти, «все *забалтывается*. Каждый треплет языком, каждый вмешивается во что угодно, в результате ничего не происходит, потому что все всем известно заранее. Жалуются на недостаток политической воли, на самом же деле разочарование вызвано отсутствием тайны» [9, с. 320]. *Скорость* как быстрота реагирования власти в условиях разветвленного и неповоротливого бюрократического аппарата демократического государства также утрачивается.

Все это, однако, не означает уменьшения удельного веса этих составляющих в рамках общества в целом. Если рассмотреть скорость, то она перетекает — за счет распространения электронных медиа и средств связи в широком смысле — к индивидам, гражданам и группам. Тайна как «ядро власти» эволюционировала вместе с последней, расплываясь и приобретая множественный характер, «индивидуализировалась» и выступает ныне в виде «тайны личной жизни» (privacy), «врачебной тайны», коммерческой тайны (инсайдерской информации), адвокатской тайны, тайны исповеди (одной из самых «старых» тайн). Насилие сохраняется в обществе в виде криминального, связанного с деятельностью преступных группировок, и бытового насилия, приобретающих угрожающие размеры; и в этом — также свидетельство ослабления роли государства. Существует давно зафиксированная зависимость между усилением криминала (насилия) в обществе и слабостью государства; с преступностью успешно борются только авторитарные режимы. Все это свидетельства «распыления» власти в современном демократическом обществе, носителями которой выступают, наряду с ослабленным государством, и другие акторы — группы и индивиды.

Для целей нашего анализа особое значение имеют следующие характеристики власти, выделенные Э. Канетти: право *задавать вопросы и получать ответы* и право *судить и осуждать*. Именно этих черт по мере демократизации все в большей степени лишалась власть,

и именно они стали основой формирования новых «носителей» власти. В чем глубинный смысл этих атрибутов власти, или что означает право задавать вопросы и получать ответы? Обратимся к тексту Канетти. «Всякий вопрос есть вторжение... В спрашивающем вопросы поднимают ощущение власти, он наслаждается, ставя их снова и снова. Отвечающий покоряется ему тем более, чем чаще отвечает. Свобода личности в значительной мере состоит в защищенности от вопросов. Самая сильная тирания та, которая позволяет себе самые сильные вопросы» [9, с. 309].

Возможность *не отвечать* на вопросы — это возможность сохранить тайну (в чем бы она ни состояла). И — *vice versa* — право не отвечать означает *право на тайну*. Следовательно, право молчать, то есть не отвечать на вопросы, это не только защита от власти, но и переход некоторого «количества» власти к тому, кто не отвечает. Таков механизм индивидуальной, по сути — пассивной, защиты от власти.

Для современного общества характерно существование весьма обширного публичного пространства *задания вопросов власти* — это, собственно говоря, все публичные арены, или пространство масс-медиа, где этим правом как преимуществом профессионального статуса обладают журналисты. Именно журналист, задавая свой вопрос власти (обращенный либо к ней как таковой, либо к ее конкретному носителю) со страниц газет, с телеэкрана или по радио, в прямом общении (интервью) или опосредованно реализует право выступать от имени общества.

Вопросы журналистов, адресованные власти, отличаются от вопросов, с которыми власть обращается к подданному или гражданину. Вопросы власти всегда *несвободны*, поскольку они не могут быть любыми. Даже авторитарный правитель или государственный чиновник ограничен, с одной стороны, *правом* подданного или гражданина *на тайну* (личную или корпоративную), с другой — своей *ответственностью* (за легитимность собственных поступков или из-за боязни быть обвиненным в злоупотреблении служебным положением⁵). Иными словами, власть всегда *ограничена* в своих проявлениях, в том числе и в задаваемых ею вопросах, множеством современных законодательных норм и регламентов, а также разветвленной системой бюрократического контроля. Даже представители судебной ветви власти — судьи и прокуроры, функция которых состоит в прямом задании вопросов, не могут делать это произвольно, поскольку они ограничены процедурой и адвокатами, стоящими на страже интересов

⁵ Хорошая иллюстрация этого положения — история старой мельницы, до сих пор сохранившейся в Потсдаме вблизи дворца Сан-Суси прусского короля Фридриха II. Все попытки снести ее во время строительства дворца были безуспешными из-за несогласия владельца, а когда во время случайной встречи Фридрих спросил мельника, не опасается ли он захвата здания силой, тот ответил: «Но ведь у короля есть суд».

подсудимого (то же относится и к фазе следствия). Более того, для вопрошания власти отводится специальное место — камера для допросов, зал судебных заседаний, властные действия в которых носят строго фиксированный процедурный характер.

Вопросы же журналистов в адрес власти «ненормированы», поскольку любые формальные процедуры и ограничения отсутствуют (единственный ограничитель здесь — моральные качества журналиста и его личные обстоятельства). Поэтому можно сказать, что журналисты *безответственны*. Еще одна черта этих вопросов: они задаются *публично* и в большинстве своем *заочно* (исключение составляют интервью, но в них вопросы, как правило, согласовываются). Поэтому ситуация представителя власти, которому задан вопрос, резко отличается от положения подданных или граждан, которые имеют право не отвечать на многие вопросы (в частности не свидетельствовать против себя). Представитель власти обязан по закону ответить на все вопросы в течение предписанного срока, нарушение которого может иметь для него самые неблагоприятные последствия. Иными словами, власть, за исключением строго определенных законодательством сфер, связанных с безопасностью государства (спецслужбы, некоторые подразделения внутренних дел — борьба с организованной преступностью, торговлей оружием и наркотиками) *лишена права на молчание* в ответ на задаваемые ей — прежде всего журналистами — вопросы.

Подобная ситуация означает, что власть теряет свое *differentia specifica* и сама становится *подвластной*. Реальность власти медиа как «четвертой власти» в современном мире, по-видимому, и состоит в праве задавать вопросы и требовать на них ответы. Иногда говорят о «тирании общественного мнения», на самом деле подлинной тиранией оказывается мощь медиа, задающих «сильные вопросы» власти. При этом четвертая власть существует за счет первой, усиливаясь настолько, насколько ослабеваает та. Налицо уже упоминавшееся явление, характерное для современной демократии, — перераспределение власти к другим индивидам и общественным группам.

Усилителем реальной власти медиа в современном мире оказывается право судить и осуждать. Если традиционно под этим имелось в виду осуществление (государственной) властью судебной и исполнительной функций, вынесение и исполнение приговоров, то ныне это право в значительной степени перешло к журналистике, а основным способом его реализации оказывается *разоблачение (expose)*. Именно разоблачение как основной метод расследовательской журналистики — наиболее сильное орудие «четвертой власти»; в силу его воздействия на общественное мнение оно может привести не только к ослаблению *легитимности* существующей политической власти, но и к ее утрате. Один из наиболее ярких примеров здесь — Уотергейтское дело, приведшее к импичменту президента США Р. Никсона.

Властным ресурсом журналистики выступает и *общественное мнение*. Еще в начале XX в. упоминавшийся знаменитый французский психолог Г. Тард впервые ввел в научный оборот термин «публика», под которым он понимал «чисто духовную коллективность» индивидов, демонстрирующую единство убеждений и общность чувств и возникающую в результате чтения одной и той же газеты. Зарождение собственно политической публики, довольно быстро вбирающей в себя все другие ее виды — литературную, философскую и т. п., относится ко второй половине XVIII в.; ее утверждение в качестве выразителя общественных интересов приходится на период Великой французской революции 1789-1793 гг., которая, по мнению Тарда, и породила журналистику как тип профессиональной деятельности. Соединение индивидов в публику, по Тарду, осуществляется через особое духовно-психологическое образование — общественное мнение, а человек — журналист-публицист — становится центральной фигурой политического процесса, способной выполнять функции психологического воздействия, обычно присущие вожакам толпы.

Связано это с сутью демократии, которая, если исходить из самого смысла данного понятия, представляет собой «власть народа». Именно отношения граждан к власти и фиксируются в понятии общественного мнения, формами которого в современном обществе выступают любые массовые акции — петиции, референдумы, демонстрации. Наиболее явным его выражением и самым значимым для политического процесса являются выборы. Все вышеперечисленные действия представляют собой *политические акции*, не только в освещении, но нередко и в организации которых весьма велика роль журналиста (вспомним большевистский лозунг — «газета не только коллективный агитатор и пропагандист, но и организатор»).

Следует отметить, что именно убеждение журналистов, что они — «рупор общества», стало основой, на которой и держалась более двухсот лет концепция «четвертой власти», имплицитно предполагающая наличие реального «права голоса» у журналистов, транслирующих аудитории «самое важное». Ныне ситуация кардинально изменилась, как минимум, в двух отношениях: во-первых, технологическое развитие привело к обретению аудиторией собственного голоса, который невозможно игнорировать, что не вписывается в рамки традиционного медиа-дискурса, осуществлявшегося в виде одностороннего потока информации, и, во-вторых, сами журналисты считают себя не «наблюдателями фактов», но «создателями смыслов», претендуя тем самым на роль уже не «четвертой», а, по крайней мере, «второй» власти. И к тому есть определенные основания, связанные с реальными изменениями власти.

Несмотря на то, что СМИ обладают информационной властью не юридически, а преимущественно по праву инициативы, «игры на

опережение», их влияние на общественное сознание столь велико, что самим государством нередко манипулируют силы, способные использовать СМИ в своих целях. Государство не всегда может контролировать реальные процессы, и тогда «функцию управления этой реальностью приобретают те, кто может предложить более совершенную коммуникативную структуру в социальной реальности, лучшие и более действенные технологии работы с общественным сознанием» [5]. И в этом — одна из особенностей современной демократии, предполагающей расширение своих основ, — перераспределение полномочий от (политической) власти к другим индивидам и общественным группам.

Кроме уже отмеченных, существует еще ряд особенностей социально-политического характера, позволяющих профессиональной группе журналистов не без оснований претендовать на особую власть. Традиционно — на протяжении последних двухсот-трехсот лет — право на коммуникацию, как отмечает Энтони Гидденс, было организовано *репрезентативно*, то есть представительно: люди делегировали свой голос другим, не только политикам, но, не в последнюю очередь, журналистам. Проблема делегирования власти, в результате которого доверитель разрешает доверенному лицу (группе) действовать, в нашем случае — говорить, вместо себя, является одной из наиболее сложных в политическом анализе [2]. Для целей данной статьи важна демонстрация принципиального различия между политической и журналистской репрезентациями.

Основу современного демократического политического процесса составляет представительство интересов народа, который *делегировать* свои полномочия власти в ходе *выборов* — базовой законодательно оформленной процедуры передачи власти. В ходе нее граждане, участвующие в голосовании, *делегировать* свой голос политикам, «вручая» победителям право властного господства, признавая за ними возможность «отдавать приказы», то есть управлять.

Политики, таким образом, получают свой мандат на власть в ходе демократической процедуры выборов. Журналисты же приобретают «право власти», то есть возможность говорить «от имени народа» в процессе инкорпорирования (встраивания) в профессиональное сообщество, что означает получение власти путем «самозахвата», ибо их не выбирают (воистину, «права не даются, они берутся»).

Следующее, может быть, еще более значимое для социальной практики различие между этими «отрядами» «властвующих элит» (термин Ч.Р. Миллса) состоит в *ответственности* каждого из них: политики, даже если избиратели игнорируют их ошибки, в конечном счете ответственны перед историей, которая в лице будущих поколений выносит суждение об их деятельности, иными словами, политик всегда несвободен (пусть хотя бы в регулятивном смысле). Тогда как

журналисты, в общем, свободны от ответственности, и эта свобода — ключ к их безответственной власти над обществом.

Итак, можно выделить, по крайней мере, четыре источника власти журналистов в современном обществе. Во-первых, это создание новой реальности авторитета, обусловленное «виртуализацией» современного политического процесса. Во-вторых, происходящая децентрализация власти и тем самым ее ослабление. Современные сложные общества характеризуются переливом властных полномочий, традиционно рассматриваемых как прерогатива властвующей элиты, к другим — новым — группам и движениям. В-третьих, снижение доверия к власти путем разоблачений — основного метода расследовательской журналистики. Разоблачение (*expose*) — принципиальное орудие всех масс-медиа с момента их возникновения, однако его роль резко усиливается в условиях глобализации. В-четвертых, в рыночном государстве медиа начинают играть роль, подобную роли левых партий в национальном государстве, — не в идейном плане, поскольку современные СМИ скорее можно отнести к правому спектру политики, но содержательно, ибо именно левые всегда *задавали вопросы и разоблачали авторитет*. Это обстоятельство определяло влияние оппозиционных изданий левого толка, которые, несмотря на сохраняющуюся на протяжении истории демократического общества безответственность журналистов (не юридическую, но сущностную, в очерченном выше смысле), играли огромную роль [18].

Изменения в обществе, повлекшие за собой двуединый процесс — медиатизации политики и политизации медиа, кардинально изменили роль журналиста, превратившегося в исторически нового «сильного» актора на политическом поле — не столько осуществляющего контроль над властью, сколько тиражирующего властные импульсы (прежде всего собственников медиа) и убеждающего общество в их истинности.

Конституционно-правовой порядок знаний — основа демократии в информационном обществе

Одно из наиболее интересных и глубоких представлений о когнитивных особенностях информационного общества, позволяющих по-новому взглянуть на функционирование его основных социальных институтов, предложил немецкий философ Хельмут Шпинер (H. Spinner) в теории «порядков знания» [23].

Характеризуя СМИ как социальный институт, он связывает его функционирование с *конституционно-правовым*, или *публично-правовым* порядком знаний, главной функцией которого является *поддержание и нормирование систем получения и выражения взглядов и мнений*. Именно общественное мнение оказывается ныне основой существования демократии и тем важным ресурсом власти, к которому

она может и должна апеллировать, стремясь сохранить свою легитимность. Этим объясняется постоянно растущий интерес к выявлению общественного мнения, фиксируемый в лавинообразном росте всевозможных опросов.

В отличие от академического порядка, задачей которого является обращение с научными знаниями, в рамках общественного мнения речь идет исключительно о *повседневном знании*, то есть о мнениях, взглядах, точках зрения, суждениях, теориях, мировоззрениях и позициях, для которых не характерны квалификационные признаки научного знания: истинность, обоснованность, рациональность и др. Такое знание может принимать внешне наукообразный характер: могут организовываться «школы», «академии» (будь то политические, оздоровительные, астрологические и т. п. учреждения), читаться систематические лекции, проводиться экспертные оценки, — все равно это будет повседневное знание.

Каковы же признаки повседневного знания, которое распространяется в процессе массовой коммуникации? Во-первых, оно *всеохватно*, включает практически все, что актуально и потенциально входит в мир индивидуума, то есть все, что «релевантно» для него (за исключением сферы его профессиональной деятельности, где он выступает в качестве эксперта). Во-вторых, оно носит *практический характер*, то есть формируется и развивается не ради самого себя (как научное знание, определяемое идеалом «науки для науки»), а для непосредственной связи с реальными жизненными целями. В-третьих, главной его характеристикой является *нерефлексированность*: оно принимается на веру как таковое, не требуя систематических аргументов и доказательств.

Именно получение и высказывание знаний такого рода и становятся предметом регулирования в рамках конституционно-правового порядка, главная норма которого — *свобода распоряжения знаниями*, как своими собственными, так и «чужими», обращающимися в этой сфере. Иными словами, конституционно-правовой порядок знаний — это порядок, устанавливающий и реализующий принципы свободы слова как максимально неограниченной свободы *выражать, воспринимать и критиковать* знания.

«Вторичными» нормами этого порядка знаний можно считать два основных принципа: *равнозначности* всех мнений и точек зрения и *свободы доступа* к этому порядку. Под первым подразумевается отсутствие всяких квалификационных требований к «качеству» мнения (истинность, содержательность, эмпирическая подтверждаемость и т. д.), под вторым — отсутствие формальных барьеров доступа к «форуму мнений» (например, требования обосновать мнение).

Институциональную структуру конституционно-правового порядка знаний образуют *институт общественного мнения (публичная*

сфера) и охраняемая законом *сфера частной жизни*. Поэтому к конституционно-правовому порядку знаний относятся как парламент и масс-медиа, с одной стороны, так и неформальные сети коммуникаций, наполненные слухами и разрозненными обрывочными сведениями, — с другой. Пожалуй, самым полным и последовательным выражением конституционно-правового порядка знаний, его совершенной институциональной формой является процедура свободного демократического голосования, осуществляемая по принципу «один человек — один голос», где абсолютно не важны ни обоснованность, ни прочие эпистемологические, психологические, социологические и любые другие *качества* высказываемого мнения.

Фундамент этой сферы образуют базовые «когнитивные», то есть связанные со знанием и информацией, *демократические права* — свобода слова, свобода веры, свобода прессы. Можно сказать, что, в корне отличаясь от академического порядка знаний в отношении квалифицированности, конституционно-правовой порядок сходен с первым царящей в нем свободой выражения, получения и критики знаний. Это — результат их генетического родства: конституционно-правовой порядок знаний ведет свое происхождение от классического академического порядка знаний, свойственного науке эпохи модерна.

Однако общая нормативная и институциональная структура конституционно-правового порядка знаний оказывается весьма противоречивой. Практически в любом обществе с большей или меньшей силой проявляется противоречие между приватностью и публичностью внутри самого этого порядка, поскольку требования доступности и открытости информации входят в конфликт с правом личности на сохранение в неприкосновенности ее приватной сферы. Особенно ярко это противоречие проявляется в деятельности СМИ, стремящихся к максимальной полноте информации, предоставляемой обществу по интересующим его вопросам, причем не важно, касаются ли они текущих изменений климата или частной жизни выдающихся персон. К последним общество проявляет больший интерес, и требования конституционно-правового порядка о доступности и открытости информации только поощряют СМИ максимально удовлетворять общественные запросы (что к тому же способствует увеличению продаж информационного продукта). Однако при этом страдают частные интересы. Вспомним всеобщее негодование по поводу «папарацци», обвиненных в гибели принцессы Дианы, транслированное и усиленное СМИ. (Приговор суда, вынесенный в феврале 2006 г. признал их невиновными в этой трагедии, присудив трем журналистам символический штраф в один евро.)

В последнее десятилетие в публичной и частной сферах как основных «локусах» функционирования массовой информации наблюдаются весьма интересные изменения. С одной стороны, происходит сужение публичной сферы — как открытой для обсуждения и высказывания

мнений — за счет законодательного усиления права на защиту частной жизни и неприкосновенность «частной» информации. Наряду с этим расширяется сфера частного, то есть исключенного из потока свободной циркуляции идей, — по мере активизации авторского и патентного права (здесь речь идет о проблемах, возникающих «на стыке» конституционно-правового и экономического порядка знаний). С другой стороны, оживление террористических движений вызывает усиление государственного контроля над гражданами, что ведет к сужению сферы частного, но выигрывает от этого не конституционно-правовой, а военно-полицейский и бюрократический порядок знаний.

В России общепринятая модель взаимоотношений частной и публичной сфер еще не сформировалась. Этим до некоторой степени объясняется огромный поток информации в СМИ, вызывающей опровержения, судебные иски о защите чести и достоинства, а также обвинения в безнравственности и оскорблении общественной морали.

Рассмотрим еще одну, пожалуй, базовую проблему, вытекающую из глубинного принципа конституционно-правового порядка знаний: демократия — не теория познания. «Демократические выборы, являются тайными, — напоминает Шпинер. — Это означает, что без всякой проверки отдаваемые голоса *подсчитываются*, но не *взвешиваются*» [23, S. 127]. Та же проблема существует применительно к масс-медиа, императивом которых является *информирование*, то есть максимально широкое представление сведений, а не селекция знаний.

История говорит о разных способах решения этой проблемы по мере становления конституционно-правового порядка знаний. Они сводятся к попыткам (а) эпистемологической квалификации знаний, допускаемых в сферу свободной циркуляции, (б) квалификации их с точки зрения своеобразно понимаемой обыденной социологии и (в) морально-этической квалификации. К первому и второму способам относится введение разного рода цензов и ограничений (ценз оседлости, имущественный ценз, возрастной ценз, дискриминация по полу, гражданству, национальной или этнической принадлежности и т. д.), применяемых в отношении лиц, имеющих право на выражение своих знаний, то есть имеющих право голоса в принятии важных решений на общегосударственном или локальном уровнях. При этом практикуются своего рода повседневные антропология и социология, основанные на нерелективных квазитероретических предпосылках обыденной жизни⁶.

Так, в основе дискриминации по половому признаку, одним из проявлений которой было лишение женщин права голоса, лежало господствовавшее столетия предположение, что женщины по своей когнитивной и эмоциональной конституции не способны формировать истинное, обоснованное и разумное мнение. Иначе говоря, это

⁶ О теориях повседневности см.: [7, с. 281-285].

представление, что женщины — эпистемологически ущербные существа, эпистемологические инвалиды. Понадобились долгие десятилетия борьбы за всеобщее избирательное право, пока, наконец, женщины были допущены к избирательным урнам.

До сих пор в ходу множество теорий повседневной «социологии», предполагающих, например, что верное (истинное) мнение об интересах общества или локальной общины могут иметь только те граждане, которые прожили в данном государстве или городе, поселке, не менее определенного количества лет (на этом обыденном знании возникает ценз оседлости), или только те, что обладают недвижимым имуществом на данной территории (имущественный ценз), или только принадлежащие к «титульной» национальности. Предполагается, что мнения лиц, не принадлежащих к названным категориям, относительно интересов общества ложны.

Если эпистемологическая квалификация знаний предполагает в качестве институционального механизма разного рода цензы и ограничения на право выражения мнений, то морально-этическая квалификация требует введения моральной цензуры. В этой области критерии морального здоровья и нездоровья высказываний еще в большей степени определяются повседневными теориями, как правило, в принципе недоступными верификации, что, в конечном счете, обрекает моральные суждения и осуждения на субъективизм и произвол.

Попытки введения разного рода цензов всегда были попытками выработать некую систему самокоррекции конституционно-правового порядка знаний, подобную системе критики знаний, характерной для академического порядка. Но критика знаний опирается на четко сформулированные эпистемологические критерии. Введение таких критериев в конституционно-правовой порядок, где обращаются не знания в научном смысле, но повседневные знания, то есть мнения, не обладающие свойствами, позволяющими оценивать их истинность, ведет к разрушению самих основополагающих принципов этой сферы.

Современный информационный плюрализм основан не только на развитии техники порождения и переработки знаний, но и на демократических нормах того, что Хельмут Шпинер именует конституционно-правовым порядком знаний; и журналисты в большинстве своем нацелены на профессиональное выполнение своих функций, то есть информирование общества. А особенности и трудности журналистской профессии связаны с необходимостью совмещения конкурирующих задач: создания привлекательного, ориентированного на продажу товара и сообщения фактов, часто неприятных, — информирования. Все это составляет содержание реальных *практик* журналистской деятельности, которую Патрик Шампань назвал «историей невозможной независимости» [14, с. 212]. И происходящие ныне глобальные изменения в информационном пространстве только усиливают эти «невозможности».

Институт власти (господства) и институт массовой информации имеют различные функции и цели, но между ними существует ныне теснейшее «избирательное сродство». Природа политической власти такова, что она может осуществляться только через коллективную целенаправленную деятельность всех членов общества. Кроме того, сконцентрированная в руках немногих власть в современном демократическом государстве нуждается в поддержке граждан как потенциальных избирателей, делегирующих своим выбором властные полномочия той или иной партии. Коллективный характер большинства реализуемых в политике целей предполагает использование специальных средств путем трансляции желательной информации, способных обеспечить единую направленность действий большого количества людей, то есть мобилизовать их на массовые действия. Именно масс-медиа и оказываются единственным таким средством, учитывая их функцию формирования информационного аналога общества, а следствием сложившегося положения является *особая роль СМИ в современном политическом процессе* и их огромное влияние на политическую жизнь. Свидетельство тому — возникшее сравнительно недавно для описания этой новой ситуации выражение — «*медиа-тизация политики*» (в такой же степени будет верно и обратное утверждение о «политизации» современных масс-медиа). Но это выражение не следует воспринимать буквально, ибо воздействие медиа на политический процесс — не властное, а инструментальное: СМИ — не власть, а *инструмент власти*, сколь бы важную роль во властных взаимодействиях они ни играли. В этой новой ситуации СМИ выступают как агенты властных полномочий, перехватывая у публичной сферы возможность рациональных и критических дискуссий. Медиа осуществляют манипулирование общественным мнением, предлагая заранее взвешенные и удобные для власти варианты освещения событий (в частности, путем формирования повестки дня) отводя общественности роль пассивного наблюдателя.

Именно эти две тенденции — публичная (или публично-правовая, зафиксированная в современных демократических конституциях) и технократическая, предполагающая вытеснение общественности за пределы политики, и преобладают в современных обществах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болл Т. Власть // Полис. 1993. № 5.
2. Бурдые П. Делегирование и политический фетишизм // Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
3. Варустин Л.Э. Пресса и власть. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1995.
4. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

5. Дацюк С. Аналитика СМИ — четвертая власть / Русский журнал. 1998, 3 февраля [online]. Дата обращения 15.06.2006. URL: <<http://www.russ.ru.journal/media>>.
6. Засурский И.И. Реконструкция России. Mass-media и политика в 90-е годы. М.: Изд-во МГУ, 2001.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004.
8. Ионин Л.Г. Масса и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) // Вопросы философии. 2007. № 3.
9. Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997.
10. Кондорсе М.-Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкгиз, 1936.
11. Маклюен М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004.
12. Милль Д.С. О свободе // Милль Д.С. Утилитарианизм. О свободе. 2-е изд. СПб.: Тип-фия А.М. Котомина, 1882.
13. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс, 1996.
14. Шампань П. Двойная зависимость. Несколько замечаний по поводу соотношения между полями политики, экономики и журналистики // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М., 1996.
15. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М.: Socio-Logos, 1997.
16. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied: Luchterhand, 1962.
17. Gouldner A. The dialectic of ideology and technology. London: Macmillan, 1976.
18. Kaplan R. The media and medievalism // Policy Review. 2006. № 128 [online]. Date of access: 2006, June 15. URL: <<http://www.policyreview.org/dec04/Kaplan>>.
19. Meyrowitz J. No sense of place: The impact of electronic media on social behavior. New York: Oxford University Press, 1985.
20. Lowery S., DeFleur M. Milestones in mass communication research: Media effects. 3rd ed. White Plains, N.Y.: Longman, 1995.
21. Noelle-Neumann E. The spiral of silence — our social skin. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
22. Shaw D., McCombs M. The emergence of American political issues: The agenda-setting function of the press. St. Paul, Minn.: Minnesota University Press, 1974.
23. Spinner H.F. Die Wissensordnung. Ein Leitkonzept für dritte Grundordnung des Informationszeitalters. Opladen: Leske + Budrich, 1994.
24. Thompson J.B. The media and modernity. A social theory of the media. Stanford: Stanford University Press, 1995.
25. Weaver D., Graber D., McCombs M., Eyal C. Media agenda-setting in a presidential election: Issues, images and interest. New York: Ablex, 1981.
26. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebek), 1972.